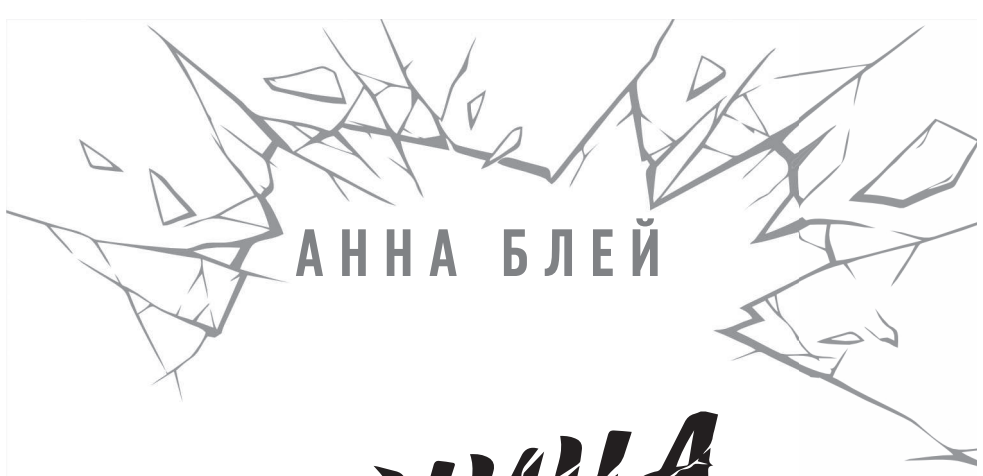




АННА БЛЕЙ

УЗНИЦА ЛЕДЯНОГО ОЗЕРА



Издательство АСТ
Москва



УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б68

Любое использование материала
данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя
запрещается.

Художественное оформление —
В. Давлетбаева
Обложка, иллюстрации — *Кристина*
Емельянова

Б68 Блейк, Анна

Узница ледяного озера: [роман] / Анна Блейк. —
Москва: Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Любовь
под прикрытием).

ISBN 978-5-17-189854-0

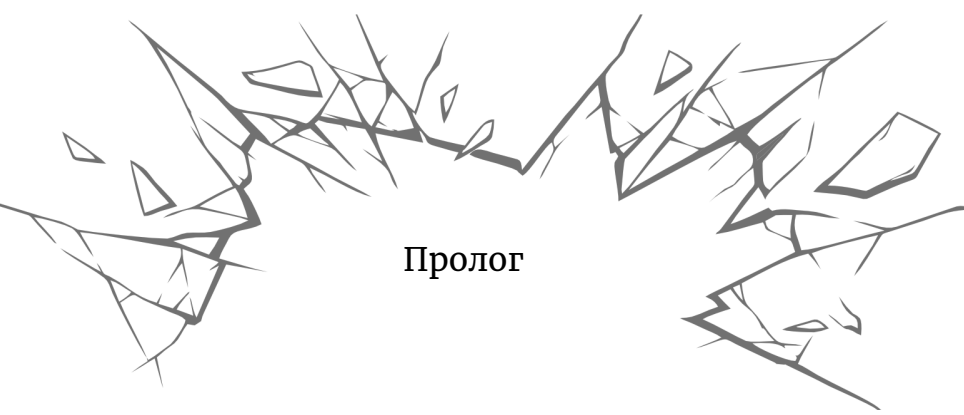
Жаклин Бальмон знает о смерти не понаслышке. Ее мать была убита, а она сама чудом спаслась от психопата, которому удалось скрыться. Теперь она учится на профайлера, чтобы разобраться в собственных демонах и поймать убийцу. Отношения – это последнее, о чем она стала бы думать именно сейчас.

Антуан Клей — блестящий молодой адвокат, который переехал в Треверберг ради работы с лучшими. Случайная встреча с Жаклин путает все планы и будит внутри чувства, которые не укладываются в намеченный план.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189854-0

© Блейк А., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026



Пролог

*Декабрь 1940 года
Окрестности Парижа*

Сегодня особенно болит голова. Боль вспыхивает на затылке и концентрируется в левом глазу, но я упрямо смотрю перед собой. Я уже не здесь. Тело не имеет значения, оно всего лишь глупый проводник, грязный и слабый, созданный лишь для того, чтобы доказать свою приверженность, чтобы пройти длинный путь, в финале которого — рай.

Путь, недоступный и непонятный большинству.

Концентрация боли становится невыносимой, сжимаю зубы так, что они скрипят. Вот-вот раскрошатся. С такой силой работает пресс, с такой силой вдавливают сваи в каменистую почву, пытаюсь построить дом. Закрываю глаза. Непозволительная слабость, но у меня нет другого выхода. Во тьме нет места свету, даже луна спряталась, но я закрываю глаза, чтобы не видеть и намека на блики. Где-то там

• Узница ледяного озера •

за деревьями — дом. Где-то там за домом — земля,
занятая врагом. Где-то там война, а тут — мы. И лед.
И холод.

Идет удушающая зима 1940 года. Мне двадцать.

И уже миллион лет я стою по пояс в ледяной воде.





Глава первая

ПАРЕНЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Жаклин

*Август 2008 года,
Париж*

— **Ж**аклин, постой, нам нужно погово-
рить. Это важно.
Я зажимаю руками уши, чтобы не
слышать слов почти-что-мачехи и бегу от нее через
весь дом, надеясь скрыться в комнате, которую не-
когда считала единственным безопасным местом на
земле, но сейчас уже так не думаю. Не чувствую, если
быть точной.

— Жаклин!



Да что ты привязалась ко мне, *пигалица*!

Тело простреливает, когда Лиара касается плеча рукой, и я застываю на месте, будто парализованная.

Психичка гребаная. Нельзя так реагировать на обыкновенные прикосновения людей. Сколько лет тебе еще надо отходить к психотерапевту, чтобы научиться спокойно уклоняться от того, что не нравится? Нет, умная до жути, а с собственной реакцией «замри» совладать не в силах.

Класс.

Опомнившись, пассия отца опускает руку и глубоко вздыхает.

— Ты не понимаешь, что делаешь больно *ему*?

Этот вопрос выводит из ступора. Я резко оборачиваюсь и смотрю на нее. Лиара чуть выше меня, и это бесит. Буду ходить на каблуках каждый раз, когда придется возвращаться в этот дом.

Если придется.

— Как будто тебе есть дело до него, а не до его фамилии. Знаешь, сколько я таких видела?

Да, я нагло вру. Рядом с отцом до Лиары я женщин не замечала, если не считать мать. Либо Кристиан Бальмон тщательно скрывал личную жизнь, либо действительно ни с кем не встречался. Лиара ворвалась в нашу семью тогда, когда ее не ждали. Мы с отцом только начали разговаривать, только начали искать друг к другу дорожку, преодолевая застоявшееся молчание и отчужденность, разбираясь с неприятным наследством матери, которая после смерти оставила

нам слишком много правды о ее многолетней лжи. Последнее, чего я ожидала, — что он приведет домой девчонку.

Девчонку!

Позвольте представить, дамы и господа (черт, сколько пафоса!), Лиара Эллиот. Мерзавка, которой что-то там около тридцати. Если кто не знал, моему отцу пятьдесят один. Мне — девятнадцать. И... я ее ненавижу.

Лиара спокойно скрещивает руки на высокой груди. Ее каштановые волосы, как всегда, собраны в небрежный пучок, зеленющие, как у кошки глаза, подведены, и теперь она глядит на меня с вызовом сверху вниз. Выше всего на дюйм, а сколько превосходства! Рядом с ней я чувствую себя подростком, лишенным прав и карманных денег, и от этого злюсь еще сильнее.

Я подсыплю ей в кофе слабительное. Честное слово. Вот утром и подсыплю.

— Ты можешь продолжать меня оскорблять, подтачивая терпение Кристиана, усиливать вражду в доме и выставлять себя избалованной малолетней идиоткой. Либо, — она поднимает указательный палец, заметив, что я собираюсь возразить, — протянешь мне руку и позволишь наконец тебя узнать. Я люблю твоего отца. Как бы это ни казалось невозможным или странным из-за разницы в возрасте. Ты ничего не знаешь о наших отношениях и не хочешь узнать, хотя, видит бог, я бы с радостью рассказала.

Не верь предрассудкам, Жаклин. Не девушке с синими волосами придерживаться традиционалистских взглядов на институт семьи.

Ее слова трогают что-то в глубине души, поэтому я хохочу в безотчетном стремлении разбить момент возможного перелома.

— Семьи? — бросаю я ей в лицо. — Ты с ним спишь, не более того. Наиграется и бросит. И все будет как прежде!

— Как прежде — это как?

Я осекаюсь. Действительно, как? Его бывшую жену и мою мать зверски убили несколько лет назад, а непосредственно перед этим он узнал, что Анна Перо всю жизнь его обманывала, и я — не его дочь. А до этого мать его мучила, изменяя направо и налево, зная, что он всегда ее примет и развод тому не помеха. Для Анны не существовало таких условностей, как штамп в паспорте. Их связывали вещи намного серьезнее. Общая сеть центров психологической помощи, ее имя одного из ведущих психоаналитиков Европы, его фамилия Бальмон, известная всему медицинскому миру. О, да, их связывали обстоятельства поважнее брака и фальшивой дочери.

Как всегда, мысли о матери настраивают меня на депрессивный лад. Я медленно поднимаю руку и провожу ей по суховатым от вечных окрашиваний волосам. Действительно, синим. Наверное, я уже никогда не увижу свой природный жемчужный блонд, который делает наше сходство с матерью чрезмерным.

И я уничтожаю его. Как пытаюсь уничтожить все, что причиняет боль. По меньшей мере, именно об этом твердит психотерапевт.

Надо его поменять.

Унылый старик.

— Мне плевать, — тихо говорю я. — У меня самолет утром. Уеду и забудешь, как меня зовут. Будешь окручивать моего отца дальше, пока он не включит мозги и не выбросит тебя на улицу.

— Я спасла ему жизнь, — с непозволительно мягкой улыбкой замечает она.

Я фыркаю. Прячу за ребячеством внутреннюю боль, вызванную целой смесью чувств, в которую я отчаянно не хочу погружаться.

— И что? Ты врач. Никогда не спрашивала у него, какому количеству людей спас жизнь он?

Я прекрасно знаю, что все это не совсем так. Лиара спасла ему жизнь, оказавшись в нужное время в нужном месте. Неплохой, надо признать, хирург, она действительно вытащила его с того света. Только, глядя на то, как она перешагивает порог нашего дома, я подумала, что как-то это все слишком удачно для нее получилось. Оказаться вовремя рядом, помочь. Как будто само покушение, одно из бесконечной череды в его жизни, было подстроено именно для этой цели. И в этот параноидальный бред поверить намного проще, чем в то, что Кристиан Бальмон в кого-то влюбился. Я не знаю никого бесчувственнее собственного отца. Конкурировать с ним в этом плане могла только

мать. И раньше его глаза теплели только при взгляде на меня, а теперь с нежностью он смотрит и на нее.

Это больно.

Из мыслей меня вырывает странное выражение ее лица. Ее глаза увлажняются и Лиара резко отворачивается, прерывая разговор.

— Видит бог, я стараюсь. Когда будешь готова поговорить, просто дай знать, — бормочет она и стремительным шагом уносится прочь.

А я застываю, не понимая, что делать. Будто в пучине ссоры есть какой-то смысл и ей непременно стоит продолжиться. Я почти минуту стою посреди коридора, не двигаясь даже тогда, когда почти-что-мачеха спускается на первый этаж и скрывается в своем кабинете.

Глупость какая.

Стряхиваю оцепенение и добираюсь до комнаты, посреди которой стоит огромный чемодан. Все мои вещи разбросаны по полу и кровати. Я не мастер сборов. А у меня действительно завтра самолет. Я вернусь в академию и забуду про кошмарный сон по имени Лиара Эллиот на ближайший семестр. Аккурат до Рождества, а может и дольше, если смогу найти достаточно весомый повод, чтобы задержаться в Треверберге и не совать носа в Париж на традиционный семейный прием. Пусть совьют себе здесь гнездышко. Может, отец побыстрее разглядит ее душонку за блестящими глазками и высокой грудью.

Покачав головой, толкаю дверь, и та захлопывается с глухим стуком.



Может, к черту все?

У меня достаточно денег, чтобы купить вещи в Треверберге. И там еще осталось что-то с прошлого года. Перед кем красоваться? На первом курсе было интересно оценить коллектив, показать себя. Сейчас — нет. Шмотки из парижских бутиков не поднимут настроения и не помогут перемолоть чувство одиночества, въевшееся под кожу.

Я пинаю чемодан носком ботинка и вздрагиваю от прострелившей ногу боли.

Неудачница.

Психованная.

Всегда такой была.

С возрастом становится только хуже.

Вечер того же дня

Стоя в темной нише, я лениво постукиваю указательным пальцем по фужеру и думаю о том, что нет идеи хуже, чем провести последний вечер в Париже на званом вечере в честь открытия очередного медицинского центра, который спонсирует отец. Подобные мероприятия набили оскомину еще моей матери, но почему-то в обществе считается, что присутствие семьи — обязательная часть сделки. Раньше я возмущалась, пару раз сбегала, но, получив от отца порцию ледяного молчания, приняла решение, что буду терпеть. Ради него. И даже начало нравиться ровно

до тех пор, пока мое место рядом с отцом не заняла доктор-кошачьи-глазки Эллиот.

Вот и сейчас Лиара стоит, с изяществом держа в одной руке стакан с соком (мы не пьем алкоголь, видите ли), а другую положив на локоть отца. Кристиан Бальмон при этом беседует с одним из многочисленных партнеров по бесконечным бизнес-проектам. Это, кажется, хирург, чьего имени память мне решила не подсказывать. Один из немногих, кто на фоне отца смотрится не гномом и не страшилищем, высокий и статный, черноволосый с проседью, он чем-то напоминает самого Кристиана, который в свои пятьдесят один выглядит на сорок максимум.

Счастливчик.

Отец говорит, это семейное.

Я веду себя как малолетняя идиотка, следящая за возлюбленным, который в это самое мгновение разбивает ей сердце с лучшей подругой. Кристиан Бальмон для меня всегда являлся идеалом мужской красоты и мужского темперамента. Сероглазый брюнет, холодный и немногословный, жесткий в делах, он пугал меня до икоты в детстве, а потом, когда мама умерла, стал самым близким и родным, понимающим и чутким. А потом...

Я качаю головой и делаю глоток в попытке заглушить непрекращающийся гомон мыслей. Шампанское успело согреться и я кривлюсь, но быстро беру себя в руки и снова поднимаю глаза на отца. По телу пробегает дрожь, когда наши взгляды встречаются,

ведь Бальмон смотрит прямо на меня и, заметив, что я тоже смотрю, кивает. Этот жест может означать только одно: меня приглашают подойти.

А можно нет? Что за глупости. Конечно же от меня ждут привычного послушания, как минимум на людях, потому что дома я частенько нарушала его запреты и не слушала его просьб. Даже тогда, когда он еще не нашел себе женщину и не привел ее в дом.

Когда я приближаюсь, Лиара тепло улыбается, как будто утреннего разговора и не было, а отец просто переводит взгляд на меня, как и его собеседник.

— Бог мой, Кристиан, неужели это и правда Жаклин?

— Дорогая, ты помнишь доктора Анри Клея?

— Добрый вечер, — бормочу я, стараясь придать лицу учтивое выражение. Я не помню этого мужчину, но знаю о нем. Известный хирург, друг отца, он редко бывает в Париже. Не помню, когда мы виделись в прошлый раз, но мама еще была явно жива. С его семьей нас связывает одна в какой-то степени веселая история о несостоявшейся помолвке наследников династий.

Но кто об этом сейчас вспомнил бы, правда?

— Мадемуазель Бальмон, — опомнившись от изумления, произносит хирург, церемонно целуя руку.

Ох уж эти великосветские приемчики. Я выпрямляю спину и натягиваю на лицо вежливую улыбку. Надеюсь, что со стороны она не кажется оскалом.

— Жаклин учится в Треверберге, — зачем-то говорит отец.

— Не знал, что там сильная медицинская школа.

— Я учусь не на врача.

Из-за наступившего молчания хочется сбежать, но я настолько привыкла к неловкости за свои девятнадцать лет, что продолжаю мило улыбаться, глядя в темные глаза доктора Клея, чей взгляд буквально вгрызается в мое лицо. Видимо, он хочет сказать что-то в духе «наследница медицинской империи решила не продолжать династию», но почему-то молчит. Такт берет верх на предрассудками? А я вспоминаю о том, что его сын тоже не пошел по стопам отца, и, кажется, это послужило причиной многолетнего конфликта.

— Ты можешь рассказать, — с неожиданной улыбкой возвращает всеобщее внимание к себе отец, и в этот момент на короткое время меня даже перестает бесить тонкая рука Лиары, по-прежнему цеплявшаяся за него так, будто он может убежать.

Ведь сейчас он смотрит на меня как прежде. С нежностью, заботой, даже гордостью. Но чем гордиться? Я еще ничего не достигла.

Только первый курс и даже не с отличием.

— Я учусь в полицейской академии Треверберга, на факультете профессора Карлина. Профайлинг, доктор Клей.

На этот раз никакая выдержка не помогает ему скрыть удивление. Мужчина оторопело замирает, глядя мне в лицо так, будто только сейчас замечает синие волосы. Ну да. Такой вот странный профайлер, и что? Двадцать первый век на дворе, мне скоро двад-

цать, могу делать все, что хочу. Через год с хвостиком и вообще стану полноценным членом общества.

— Удивительный выбор.

— Ее выбор, Анри.

Надо было придумать семейную легенду, которая бы красиво аргументировала происходящее, но как-то мы не подумали об этом. Решение я приняла импульсивно, но железно, отец согласился и до сегодняшнего дня на публике ни с кем его не обсуждал. Интересно, что изменилось. И при чем тут Треверберг?

— Антуан бы оценил, — внезапно усмехается доктор Клей и улыбается моему отцу так, будто произнес только им двоим понятную шутку.

— Что я должен оценить?

Я вздрагиваю и разворачиваюсь на голос. И, кажется, впервые за этот вечер молчу не потому, что мне нечего сказать, а потому что милосердный Бог лишает меня дара речи.

Аллилуйя.

— Две минуты назад ты возмущался из-за того, как изменилась Жаклин, но, бог мой, это Антуан? — нарушает остекленевшее молчание Бальмон. — Добро пожаловать в Париж.

О, да, он озвучивает все то, что мне не под силу. В памяти стремительно встают картинки из прошлого.

Нескладный подросток, огрызающийся на каждое слово своего отца, хмурый и необщительный, с ко-